

Священник Александр Мазырин, м. бог., к. и. н.
(ПСТГУ)

ВОПРОС О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЦЕРКВИ ПРИ ПАТРИАРШЕМ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЕ МИТРОПОЛИТЕ ПЕТРЕ И ЗАРОЖДЕНИЕ «ГРИГОРИАНСКОГО» («БОРИСОВСКОГО») РАСКОЛА¹

Со времени издания декрета об отделении Церкви от государства в начале 1918 г. высшее и епархиальные управления Православной Церкви оказались, по сути дела, вне закона. Любая административная деятельность церковного руководства была, с точки зрения власти, неправомерна и даже преступна. Нередкими были случаи, когда «тихоновские» архиереи преследовались лишь за то, что пытались осуществлять свои канонические полномочия по управлению епархиями. Напротив, обновленческие управления с 1922 г. существовали вполне легально, чем активно пользовались в борьбе с православными. Патриарх Тихон пытался добиться для православной иерархии прав, равных тем, что имели обновленцы, но власть выдвигала условия, которые он принять не мог. Весной 1925 г., после кончины Святейшего Тихона, проблема легализации перешла его преемнику — Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру.

Взгляд ОГПУ на проблему церковной легализации хорошо изложен в обвинительном заключении по делу митрополита Петра: «Церковь с первых дней существования Соввласти и до последнего времени вела себя по отношению к таковой как непримиримая антисоветская организация. Поэтому наиболее реакционная часть ее до сего времени не имела своих церковно-административных органов и была на полуполюгальном положении. Необходимость к переходу на нормальные взаимоотношения с Соввластью в последнее время стала особенно велика и напор сторонников мирных взаимоотношений с властями увеличился. Для установления этих нормальных отношений было необходимо, чтобы [Церковь] отказалась впредь от всякой антисоветской деятельности. Поэтому для нее вопрос о легализации означает в первую голову раскол на непримиримую (эмигрантскую) и на “лояльную” части, причем вполне естественно, что второй придется очень энергично отмежеваться от первой, закрепив это отмежевание каким-либо серьезным актом, вроде выдвигавшегося некоторыми церковными деятелями осуждения заграничников за их контрреволюционную деятельность»².

В планы ОГПУ входил не только раскол Патриаршей Церкви с «заграничниками», но и внутри страны. Особая роль здесь предназначалась епископу Можайскому Борису (Рукину), имевшему крайнюю личную неприязнь к митрополиту Петру. Согласно собственным показаниям епископа Бориса, данным осенью 1925 г., события развивались так: «Вскоре после смерти патриарха мною был поднят вопрос о необходимости, во-первых, установления в церкви соборного начала, которое ясно было подтверждено Собором 17–18 года; во-вторых, о необходимости установить ясное отношение с существующей гражданской властью в смысле заявления нашей аполитичности и желания жить с властью в мире и о необходимости ходатайствовать перед властью о даровании церкви свободы и законного существования. Митрополит ответил мне, что мы не имеем права собирать собрания и рассуждать и что нам собрание разрешено не будет»³. Епископ Борис как будто бы не понимал, что церковная *аполитичность* и *жизнь с властью в мире* не совместимы, поскольку власть желает превратить Церковь именно в инструмент своей политики (как ранее обновленцев) и только в этом случае может предоставить ей какое-то подобие *законного существования* (и то ненадолго).

О своих домогательствах, прикрываемых демагогией про соборность и легализацию, епископ Борис в 1927 г. поведал и более широкой аудитории в особой брошюре, которую власть ему разрешила издать: «Избравши Местоблюстителя, епископы совершенно выпустили из виду, что, согласно определениям Собора 1917 г., во главе управления должен был стоять Синод и Высший Церковный Совет, и нужно было избрать, по крайней мере, хотя бы одно из этих учреждений временного характера — Синод, т. к. здесь были одни епископы. [...] Само собою разумеется, что Высший орган Управления сейчас же должен был поднять вопрос о своей легализации, в чем Гражданская Власть не отказывала. Ошибка епископов сказалась в жизни Церкви очень скоро. Уже через месяц епископы же подняли вопрос о необходимости образования какого-либо органа управления, так как единоличное управление, во-первых, абсолютно неканонично, идет в разрез с самой сущностью христианства и успело внести целую смуту в жизнь Церкви, а главное, ничем не вызывалось, т. к. препятствий со стороны Гражданской Власть к легализации Синода или Совета не было»⁴.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07–01–00180а).

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 247–248.

³ Там же. Т. 4. Л. 24.

⁴ *Борис (Рукин), еп.* О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. М., 1927. С. 2.

Согласно интервью митрополита Петра «Известиям», он в принципе не отказывался от учреждения Синода. «Сейчас я занят конструированием организации церковного управления», — как будто бы сказал он корреспонденту в мае 1925 года⁵, то есть именно тогда, когда, по Борису (Рукину), «епископы подняли вопрос» об этом самом управлении. Из брошюры же епископа Бориса следует, что митрополит Петр ответил этим анонимным епископам категорическим отказом: «Митрополит Петр, тем не менее, решительно отказывался принять меры к организации временного Церковного Высшего органа, заявив, что он будет управлять единолично, и не поднимал вопроса о созыве Поместного Собора»⁶.

В известинском интервью тема Собора также фигурировала. «Когда думаете созвать всероссийский поместный собор?» — спросил корреспондент. «Созыв собора стоит в тесной связи с организацией церковного аппарата. В ближайшем будущем после успешного урегулирования этого вопроса будет намечен и срок созыва собора», — ответил, согласно «Известиям», Местоблюститель⁷. Понятно, что созвать Собор, при всем своем желании, он мог только после собственной легализации. Епископ Борис, между тем, далее распался в своей брошюре: «Епископы, по соборным определениям 1917 года, должны были после нескольких представлений устранить митрополита Петра и сами исполнить веления Собора, но они или не решались, или не желали больших неприятностей, тем более что не было организованного управления»⁸.

ОГПУ тщательно отслеживало (и как могло, пыталось направлять) развитие ситуации. В информационной сводке за июнь 1925 г., направляемой высшему партийно-советскому руководству, сообщалось: «Борьба вокруг поста местоблюстителя патриаршего престола с назначением Петра Полянского не окончена. Началась борьба за влияние на дела. Петр всячески оттягивает назначение членов Синода, группа епископов во главе с Борисом Можайским настаивает на скорейшем их назначении, авторитет Петра падает, и на смену ему предполагают выдвинуть кандидатуры Агафангела и Кирилла»⁹. В отношении падения авторитета Петра ОГПУ, скорее, выдавало желаемое за действительное, что же касается его оттягивания назначения членов Синода, это, судя по всему, соответствовало действительности. Митрополит Петр не хотел Синода. Причину этого, как кажется, довольно точно раскрыл священник Михаил Польский: «Частые аресты и долгое заключение архиереев не позволяли иметь правильный по закону состав Синода, а составлять его из лиц случайно пребывающих на свободе, а то, — еще хуже — далеко не случайно, заставляло м[итрополита] Петра сознательно избегать созыва Синода. Единоличное управление при м[итрополите] Петре и первое время при м[итрополите] Сергии, которые советовались о текущих делах с кем хотели или имели возможность без особого постоянного учреждения, спасало от вмешательства безбожной власти в дела Церкви. Гарантировать себя от неожиданных выступлений первоиерарха, связать его волю, ограничить ее и, главное, направить ее по известному руслу ГПУ могло только через Синод, состав которого сама жизнь заставляла иметь только из лиц, угодных ГПУ»¹⁰.

Союзником епископа Бориса в деле учреждения угодного власти Синода мог стать митрополит Тверской Серафим (которого в народе звали «Лубянским» и который «далеко не случайно» был в последние годы жизни Патриарха членом Синода при нем). В январе 1926 г. на очной ставке «граждан Рукина Б. и Александра С.» последний показал: «Епископ Борис был у меня на квартире в конце апреля или в начале мая 1925, причем приглашал я его для переговора, как наладить законным порядком высшее церк[овное] управление»¹¹. «Я тогда же предупреждал вл[адыку] Серафима от митр[ополита] Петра; тогда же я предупреждал других архиереев от того же Петра», — с жаром заявил на очной ставке епископ Борис¹². «Речь шла только о том, как устроить церк[овные] дела, как и кто должен хлопотать пред гражданской властью о разрешении организовать Высшее ц[ерковное] управление», — показал о том же разговоре митрополит Серафим в другой раз¹³. Конечно, если бы митрополит Серафим встал тогда во всем на сторону епископа Бориса и начал бы активно проводить его линию, положение митрополита Петра стало бы еще более трудным. Но вместо этого он — не ясно, по собственной инициативе или кем-то побуждаемый — уехал из Москвы к себе в Тверь, и это несколько разрядило обстановку.

⁵ Известия ЦИК. 1925. 14 мая.

⁶ Борис (Рукин), еп. Указ. соч. С. 2.

⁷ Известия ЦИК. 1925. 14 мая.

⁸ Борис (Рукин), еп. Указ. соч. С. 2.

⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): В 8 т. Т. 3: 1925 г. М., 2002. Ч. 2. С. 371.

¹⁰ [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 25–26.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 204.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 203.

Что стояло за выступлением епископа Бориса, церковным людям было понятно уже тогда. Сейчас, с открытием ранее секретных материалов их догадка подтверждается документально. В своих показаниях епископ Борис сам раскрыл, кому принадлежала инициатива начать переговоры о легализации и на каких условиях: «В мае м[еся]це [1925 г.] мне было предложено неким Полянским образовать инициативную группу «Защиты Православия» и подать соответствующее ходатайство во ВЦИК». Подчеркнутый в протоколе «некий Полянский» (Иван Васильевич, однофамилец митрополита Петра) — это второй человек в 6-м отделении Секретного отдела ОГПУ, будущий преемник Е. А. Тучкова на посту начальника этого отделения. Епископ Борис несколько искажил предложение Ивана Васильевича и был тут же поправлен следователем: не просто «Защита Православия», а «Защита Православия от политиканства». «Это неопределенно, — попытался вывернуться епископ Борис. — Мы отказываемся от всяких политических предпочтений». «Защита Православия от политиканства», — еще раз твердо повторил следователь. «Это несущественно, — упорствовал в свою очередь епископ Борис. — Теперь дальше. С ходатайством легализовать эту группу с разрешением церкви существовать на началах Соборности, свободы и полного устранения политического предпочтения, это буквальное выражение, т. е. о легализации или о признании законного в государстве существования православной церкви. Православная церковь в этом заявлении решительно и категорически отмежевывается от всяких новшеств и, в частности, от обновленчества».

Далее епископ Борис показывал, что он направил Полянского (Ивана Васильевича) к митрополиту Петру, с тем чтобы он высказал по этому поводу свое мнение. «Со своей стороны я просил, чтобы митрополит обратил очень серьезное внимание на положение церкви и именно на это дело, тем более что оно было чревато большими положительными последствиями для нашей православной церкви. Полянскому я прямо сказал, что без большинства епископов при всем сочувствии этому делу — начать его я не могу. Митрополит решительно отклонился принять какое бы то ни было участие в этом деле, и, как бы то ни было, попытаться даже помочь церкви в такой исключительный для православия момент. Обо мне уже пошли по городу слухи, что я красный, что внушаю разделение, что я образу какую-то свою церковь, и слухи, несомненно, неправильные, к тому, чтобы подорвать среди верующих масс авторитет. Выступление против меня было настолько решительно, что я должен был прекратить вскоре всякие разговоры по указанному вопросу»¹⁴.

В лубянском «Обзоре политического состояния СССР» за июль 1925 г. деятельность епископа Бориса освещалась с несколько иными акцентами (в частности, И. В. Полянский не упоминался), но также констатировалась ее безуспешность: «В отчетный период все внимание тихоновцев было обращено на организационное оформление высшего органа управления. Борьба идет главным образом вокруг местоблюстителя патриаршего престола. Усиленную деятельность в этом направлении развивает епископ Борис Можайский, выставляющий требование немедленной организации Синода, задачей которого было бы смещение Петра Полянского. Кампания, поднятая против Петра, не встретила сочувствия у тихоновского актива, среди которого из-за боязни распада окрепло решение поддержать Петра»¹⁵.

Неприятие Церковью («тихоновским активом») инициатив епископа Бориса весьма показательно. Однако успокоился он ненадолго (тем более что активность его стимулировалась лубянским ведомством). «Но побывав много раз в уездах Московской губ., — продолжал он в своих показаниях, — и насмотревшись, как странно, бесправно положение духовенства, и наслушавшись также немало вопросов от мирян, почему церковь находится в таком непонятном положении и до каких пор это будет, я снова начал открытые переговоры с Полянским о возможности осуществления легализации на законных началах и снова обратился уже в более решительной форме к митрополиту Петру. Просил уже на этот раз созвать непременно собрание епископов, о чем ходатайствовать перед властью, дабы они, т. е. епископы, могли бы открыто высказаться по настоящему вопросу».

Далее епископ Борис, словно забыв, где находился, разразился потоком дежурных слов про соборность: «Мною указывалось, что единоличного правления, согласно определениям Соборов Вселенских, поместных и Всероссийского Собора 17–18 гг. Православной Российской Церковью быть не может, и главный ответ за состояние Церкви лежал и лежит на всех епископах Православной Церкви, а затем уже на священниках и мирянах, и высшим органом управления является поместный Собор, законно канонически избранный на этой основе. Я получил решительный ответ, что никакого собрания быть не может и что на это нам, несомненно, не дадут разрешения и что, во всяком случае, при настоящих условиях авторитет порядка, о котором я говорил, неуместен». Тучков (именно он вел допрос), очевидно, устав от разглагольствований про канонический церковный авторитет, попытался прервать епископа Бориса словами: «Это несущественно», — но тот был неуправляем: «Я же не мог иначе мыслить про православную церковь. Это мое глубокое убеждение как православного епископа, которое я должен был отстаивать до самой смерти, и нарушение этого догмата

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24–24 об.

¹⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 419.

соборности, одного из основных догматов, могло и может повести к величайшим внутренним церковным потрясениям»¹⁶.

Вырванные из реалий того времени, рассуждения епископа Бориса сами по себе могут показаться правильными, но в условиях 1925 г. возможен был только «Собор» типа обновленческого, то есть проводимый по сценарию ОГПУ. Митрополит Петр это осознавал, поэтому отвергал домогательства епископа Бориса, тот же делал вид, что не понимает причины отказа, маскируя высокими словами о *догмате соборности* свою готовность подчинить Церковь всецелому контролю безбожной власти. Даже если допустить долю искренности в его словах, нельзя было не понимать, что ОГПУ ведет с ним свою игру, и цель этой игры — вовсе не благо Церкви.

Давление власти, однако, нарастало. ОГПУ пыталось поставить в безвыходное положение весь «тихоновский» епископат, что должно было усилить борисовскую позицию. В декабре 1925 г. митрополит Петр писал: «В связи с неразрешением до сего времени вопроса о регистрации, положение Православной Церкви в некоторых провинциальных городах за минувший год еще более ухудшилось в сравнении с прежними годами. Там от православных епископов, как незарегистрированных, стали отбираться органами подписки о запрещении им посвящать в священные степени, т. е. совершать определенные священнодействия и руководить духовной жизнью верующих тех общин, которые их избирают. Для получения священнослужителей органы управления направляют наших православно верующих к так наз. обновленцам, к которым по различию своих религиозных убеждений, они никакого отношения не имеют. Там, где епископы возражали против предъявленных требований, их административно выселяли, а верующие, оставаясь без епископа, должны были ездить из города в город для удовлетворения своих религиозных нужд»¹⁷.

Положение самого митрополита Петра становилось все более тяжелым, особенно после обновленческого лжесобора. В подготовленном ОГПУ «Обзоре политического состояния СССР» за октябрь 1925 г. было сказано: «Центром внимания тихоновцев в истекшем месяце является оглашение на обновленческом соборе материала, разоблачающего связь тихоновцев с монархической эмиграцией. Разоблачение это ускорило процесс размежевания в тихоновских рядах. Видный противник митрополита Петра тихоновец Борис Можайский, поддерживаемый киевским митрополитом, сорганизовал группу, которая предъявляет требования Петру о необходимости легализации тихоновщины как единственного выхода из обострившегося положения после собора. Возможен раскол»¹⁸. В действительности Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) поддерживать епископа Бориса не стал. На роль руководителя новой раскольничьей группы вскоре был выдвинут другой иерарх — только что освободившийся из ссылки архиепископ Екатеринбургский (Свердловский) Григорий (Яцковский). Можно предположить, что сам вопрос о его освобождении решался в зависимости от его согласия возглавить просоветскую оппозицию митрополиту Петру.

Как могли, митрополита Петра пытались поддержать православные ревнители, в частности «даниловцы» и близкие к ним люди. Так, архиепископ Прокопий (Титов) на допросе в феврале 1926 г. рассказал о своих разговорах с бывшим обер-прокурором В. К. Саблером: «Во время моего последнего визита к Саблеру, бывшего в октябре м[еся]це, приблизительно в половине этого месяца, говорил я с ним по поводу текущего церковного положения: говорили о взаимоотношениях церкви с государством, о ее (церкви) положении, об обновленцах, о неприличном поведении Бориса (епископа) в отношении митрополита Петра, о его интригах, [...] о возможности легализации. [...] При прощании Саблер просил меня передать митр[ополиту] Петру поклон и сказать, что он, Саблер, за него, Петра, молится, советует ему надеяться и быть терпеливым в этом вопросе, ожидая, что власть со временем сама уверится в лояльности церкви и легализует ее. Этот поклон Саблера и его слова я передал митрополиту Петру при последнем с ним свидании (посещении), бывшем в начале ноября 1925 года»¹⁹.

Положение митрополита Петра, однако, ставилось все более и более тяжелым. 11 ноября 1925 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) на своем очередном заседании приняла постановление: «а) поручить Тучкову ускорить проведение намечившегося раскола среди тихоновцев; б) в целях разоблачения монархических стремлений Петра, местоблюстителя патриаршества, поместить в “Известиях” ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора; в) просмотр статей поручить т.т. Степанову, Красикову и Тучкову; г) им же поручить просмотреть готовящуюся оппозиционной группой декларацию против Петра; д) одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие»²⁰.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 24 об.

¹⁷ Цит. по : *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 473.

¹⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 589–590.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 82. Подчеркнуто в протоколе.

²⁰ Цит. по : *Нежный А. И.* Комиссар дьявола. М., 1993. С. 68, 96.

Во исполнение пункта «а» этого постановления епископ Борис (Рукин) был вызван в ОГПУ, где ему было сказано: «Нам придется сейчас разговаривать одновременно о том, что мы сейчас делаем в смысле уничтожения всякой контрреволюции и уголовщины, и вам, может быть, придется более интенсивно заняться осуществлением плана переустройства церкви»²¹. Епископ Борис от предложенной ему роли «переустроителя» Церкви не отказался и заметно «интенсифицировал» свою деятельность (вместе со столь кстати для ОГПУ явившимся архиепископом Григорием).

Весьма оперативно был проведен в жизнь пункт «б» постановления АРК. «Компрометирующая Петра» статья в «Известиях» за подписью некоего Теляковского (вероятнее всего, это псевдоним самого Тучкова) появилась уже через четыре дня. «Церковники, которые поумнее, — так в статье величались обновленцы, — уверяют, что Петр Крутицкий до сих пор с упованием взирает на ту белую эмиграцию, которая в свое время смастерила Карловицкий Собор. Они говорят, что Петр Крутицкий хочет опираться на эту заграничную банду и хочет завоевать ее доверие и поддержку. [...] В огромной степени от самого Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь»²².

ОГПУ надеялось, загнав митрополита Петра в угол, вынудить его пойти на уступки. Весьма осведомленный современник митрополита Петра Г. А. Косткевич писал в 1930 г.: «Пред лицом уже прямой и для всех очевидной угрозы ареста — Тучков от имени правительства начал вести с м[итрополитом] Петром переговоры о “легализации”, т. е. официальном оформлении Управления Православной Церковью, каковую до сих пор не имела, находясь на нелегальном положении. Эта “легализация” обещала облегчить бесправное положение Церкви, но требовала принятия митрополитом Петром ряда условий — как-то: 1) издания декларации определенного содержания, 2) исключения из ряда управляющих — неугодных власти епископов, т. е. устранения их от церк[овной] жизни, 3) осуждения заграничных епископов и 4) в дальнейшем определенный контакт в деятельности с правительством в лице Тучкова. За это обещалось официальное оформление управлений и неприкосновенность тех епископов, кои будут назначены на епархии по соглашению с властью». Из протокола допроса митрополита Петра от 12 декабря 1925 г. (первого после ареста) следует, что Тучков обещал Синод (о составе этого Синода Тучков, очевидно, также готов был позаботиться). Более того, Местоблюститель сказал на том допросе, что «со дня на день ожидал Синода»²³.

«Предлагая м[итрополиту] Петру свои условия в момент, когда ему угрожала уже личная непосредственная опасность, — продолжал Косткевич, — Правительство, безусловно, рассчитывало, что, желая сохранить свободу и спасти себя от грядущих испытаний, м[итрополит] Петр пойдет невольно на уступки. Однако, пренебрегши всеми личными соображениями, м[итрополит] Петр решительно отказался от предложенных ему условий и, в частности, отказался и подписать предложенный Тучковым текст декларации»²⁴. Каким примерно был этот тучковский текст декларации, можно судить по тому, что в итоге появилось на свет в июле 1927 г. за подписью заместителя митрополита Петра.

Для усиления давления на Местоблюстителя было инициировано обращение к нему архиепископа Григория (Яцковского) с епископами Борисом (Рукиным) и Иннокентием (Бусыгиным). Вскоре после публикации в «Известиях» статьи Теляковского они посетили митрополита Петра и предложили ему «реабилитировать себя, ответить на эти [обновленческие — и. А. М.] обвинения, собрать православных архиереев, находящихся в Москве, и обсудить положение церковных дел». Об обстоятельствах этого визита от лица архиепископа Григория было рассказано в очередной известинской статье из рубрики «Среди церковников». «Митрополит Петр отклонил это предложение и сказал, что в конце концов сам отвечает за церковь, и что собрание архиереев не только не поможет делу, а даже повредит ему. Между тем, — рассуждал архиепископ Григорий, — ответственность за церковь лежит на всех епископах, и голос всех епископов, конечно, более убедителен, чем голос одного лица. Об этом я и заявил митрополиту Петру. В заключение последний обещал составить декларацию и сообщить ее епископам. Дождаться этого нам не удалось»²⁵.

В эти последние недели перед арестом митрополит Петр действительно был занят выработкой декларации — обращения к Совету Народных Комиссаров. Существенную помощь в составлении проекта этой декларации Местоблюстителю оказал Казанский викарий епископ Иоасаф: «Что касается моей “декларации в Совнарком”, — показал на допросе в декабре 1925 г. митрополит Петр, — то я ее составлял не сам: поручил ее написать епископу Иоасафу Удалову; уже написанную он принес мне назад — не Иоасаф, а епис-

²¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 38.

²² Среди церковников // Известия ЦИК. 1925. 15 нояб.

²³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 112, 111 об.

²⁴ [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней / Публ., вступ. ст. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II. 2007. Вып. 2 (23). С. 106–107.

²⁵ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК. 1926. 7 янв.

коп Пахомий Кедров»²⁶. Роль епископа Иоасафа и вообще «даниловцев» в составлении проекта обращения в Совнарком отчасти проясняют показания епископа Парфения (Брянских): «От митрополита Петра мне приходилось слышать, что он собирается ехать в Кремль к представителям правительства говорить о положении церкви. Он сказал, кажется, что поручил Иоасафу составление декларации. Иоасаф явился к нам в Даниловский м[онасты]рь и в присутствии, кажется, Амвросия и Пахомия (кроме меня) прочел наброски декларации митрополита Петра к правительству СССР. Прочел он ее потому, очевидно, чтобы нас осведомить и посоветоваться. Между прочим, он сказал, что декларация должна быть подана на следующий день. Мы его стали торопить: “Что же ты, пойдешь к народным комиссарам, а срок уже истекает”. Он ответил: “Ничего, успеем, осталось еще 24 часа”. Я советовал эту декларацию писать более конкретно и сжато. Других советов не помню»²⁷. Сам епископ Иоасаф о посещении Данилова монастыря показал: «Будучи в Даниловском м[онасты]ре [...], я сообщил присутствовавшим во время разговора в столовой Даниловского м[онасты]ря, что м[итрополит] Петр написал декларацию к правительству, причем кратко сообщил о самом смысле ее и целях»²⁸. Произошло это не позднее 18 ноября 1925 года, когда епископ Иоасаф был арестован (первым из архиереев, близких митрополиту Петру).

Из написанного спустя два с половиной года письма епископа Дамаскина (Цедрика) митрополиту Сергию (Страгородскому) следует, что о готовящемся обращении Патриаршего Местоблюстителя в Совнарком знал и одобрял его и Нижегородский митрополит. «Вспомните, — писал епископ Дамаскин заместителю Местоблюстителя, — в каких достойных тонах была выработана сообщая иерархами в том же [1925] году декларация правительству, которую чуть-чуть только не успел митр[ополит] Петр представить высшему правительству. Ведь сами Вы были на стороне выработанной тогда декларации»²⁹.

Совершенно очевидно, что эта декларация оказалась совсем не такой, какую ждал от митрополита Петра Тучков. В заключительной части обращения говорилось: «Возглавляя в настоящее время после почившего Патриарха Тихона Правосл[авную] Церковь на территории всего Союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны Правосл[авной] Церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой, во имя объявленного лозунга о революционной законности, сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на Православную Церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти узаконений, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями, и проживающих в Москве архиереев возвратить на места»³⁰.

Конечно, о легализации Церкви, Предстоятель которой с таким достоинством обращался к безбожной власти, не могло быть и речи. 9 декабря 1925 г. митрополит Петр был арестован. Об этом и о подготовленной им при участии «даниловцев» декларации ОГПУ в своем ключе доложило советскому руководству в очередном «Обзоре политического состояния СССР»: «Вокруг Петра сплывались и объединялись все черносотенные и реакционные элементы, толкавшие его на путь обострения взаимоотношений церкви и государства. Готовились выпустить декларацию — обращение к правительству о тяжелом положении духовенства в СССР. Это повлекло за собой аресты наиболее активных из них во главе с митрополитом Петром»³¹. Согласно обвинительному заключению по делу митрополита Петра, его «преступная деятельность» заключалась прежде всего в том, что он, «подчинившись руководству монархистов, деятельность свою по управлению церковью вел по их указке и распоряжениям, стараясь перевести церковь на положение нелегальной антисов[етской] организации [...], подготовил провокационную антисов[етского] характера декларацию в Совнарком»³².

В действительности, как видно, из текста декларации митрополита Петра, ее цель была диаметрально противоположной: *перевести церковь на положение не нелегальной, а именно легальной организации*, причем вовсе не *антисоветской* (но и не просоветской). Однако власть (в лице ОГПУ) и Церковь (в лице митрополита Петра и его единомышленников) совершенно по-разному видели причины церковной нелегальности и пути разрешения этой проблемы. Патриарший Местоблюститель предлагал власти просто взять и, «не отклады-

²⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 119.

²⁷ Там же. Л. 77.

²⁸ Там же. Л. 98.

²⁹ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...»: Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ., предисл. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 9. С. 362.

³⁰ Цит. по : Дамаскин (Орловский), иером. Указ. соч. С. 474.

³¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 724.

³² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 256.

вая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями». Епископ Дамаскин (Цедрик) впоследствии (в 1936 г.) даже заявил Особому совещанию при НКВД: «Настоящее ненормальное положение верующих создано, можно сказать, искусственно, ибо нам не дана была возможность выступить с авторитетной церковной декларацией в 1925 г., проект которой нами тогда уже был зачитан представителю высш[его] сов[етского] правительства и в принципе одобрен им»³³ (последнее утверждение вызывает сомнения).

Что же касается ОГПУ, то оно, как выше было показано, соглашалось только на такую легализацию Церкви, которая для нее «означает в первую голову раскол». Все попытки церковного руководства решить вопрос в ином ключе заведомо отвергались. «Она, — говорилось о декларации митрополита Петра в обвинительном заключении, — явилась следствием нажима умеренных церковников, требовавших легализации, а так как легализоваться Петр по приведенным выше причинам не мог, то он и решил обратиться с резким требованием, содержащим даже скрытые угрозы, в Совнарком, так как неуспех был заранее обеспечен, как ее содержанием, так и резким тоном. Не была подана петиция вследствие ареста Петра»³⁴.

Между тем, дело епископа Бориса было доведено до логического конца. «Инициативная группа», которую ему поручило создать ОГПУ, оформилась в том же декабре в так называемый «Временный Высший Церковный Совет» (ВВЦС) под председательством архиепископа Григория. ВВЦС сразу же обратился к власти с просьбой о своей легализации и 2 января 1926 г. получил справку о том, что «к открытию деятельности Временного Совета, впредь до утверждения такового, со стороны НКВД препятствий не встречается»³⁵. В народе новый раскол окрестили «Обновлением № 2». Патриарший же Местоблюститель, не пожелавший вести Церковь в угодном власти направлении, пошел по исповедническому пути, завершившемуся в 1937 г. мученической кончиной.

*Протоиерей Владимир Сергеев
(Уфимская епархия)*

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В истории Русской Православной Церкви XX в. достаточно хорошо исследованы взаимоотношения Церкви и власти в первые годы правления большевиков. Многие документы введены в научный оборот. Однако целый пласт источников, содержащих информацию о традициях религиозной жизни, до сих пор остается малоизученным.

В архивных фондах Центрального государственного исторического архива республики Башкортостан действительно обнаруживаются документы, связанные с духовной жизнью верующих Уфимской епархии в первые годы советской власти. Это в основном переписка приходских советов с башкирским НКВД. Данные материалы уникальны и позволяют рассмотреть трансформацию духовной жизни верующих в связи с проведением крестных ходов и почитанием чудотворных икон.

Следует отметить, что к началу революции в Уфимской епархии проводилось три вида крестных ходов, которые можно условно классифицировать как календарные, чрезвычайные и традиционные¹. Последние представляют наибольший интерес, поскольку в Уфимской епархии сложилась традиция их высокой продолжительности и территориальной распространенности.

Так крестный ход с чудотворной Табынской иконой Божией Матери (явилась около крепости Табынск в конце XVI в.), охватывая весь юг Уфимской губернии, включал всю Оренбургскую губернию, восток Самарской губернии и продолжался весь год².

³³ «Совершается суд Божий над Церковью и народом русским...»: Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ., предисл. и примеч. О. В. Косик // Богословский сборник. М., 2003. Вып. 12. С. 288. Подчеркнуто епископом Дамаскином.

³⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 5. Л. 251.

³⁵ Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 9.

¹ Змина Н. П. Крестные ходы // Башкирская энциклопедия. Т. 3. Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2007. С. 535–536.

² Сергеев В. П., прот. История чудотворной Табынской иконы Божией Матери. Дипломная работа. ПСТГУ. М., 2008. С. 65.